

**ВОПРОС О ВОЗНИКНОВЕНИИ РУССКОЙ ПРЕССЫ
И КУРАНТАХ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА ***

Анализируется дискуссия в отечественной историографии XIX – начала XX в. о том, являлись куранты газетой или выписками из иностранной прессы. Отслеживаются факторы, влиявшие на оценку их первыми исследователями. На основе анализа основных работ, вышедших в указанный период, делается вывод, что на результат научных изысканий влияли как недоступность источника и политизированность вопроса, так и слабое развитие теории журналистики и источниковедения, что делало невозможным верную интерпретацию такого сложного материала.

Ключевые слова: куранты, история журналистики, историография.

В отечественной историографии долгое время сосуществуют две оценки вестей-курантов, в соответствии с первой куранты – рукописная газета, а со второй – выписки из иностранной прессы. Вопрос о том, являются куранты газетами или нет, затрагивается в трудах и библиографов, и историков. От ответа на него зависит определение времени появления периодической печати в России. В последние годы опубликованы работы, в которых доказано на основании источниковедческого анализа и знаний, накопленных историей и теорией журналистики, что куранты – обзоры иностранной прессы [Вестники-куранты, 2008; 2009; Шамин, 2011].

В указанных трудах приводится и историография вопроса. Параллельное существование двух разных мнений по поводу типологизации вестей-курантов объясняется путаницей, возникшей из-за того, что в первых библиографических изысканиях куранты были ошибочно названы газетами, а позднее это утверждение было растражи-

ровано. С. М. Шамин считает, что у этого было три объективные причины: во-первых, первые исследователи не могли использовать в своей работе наиболее полное собрание вестников-курантов; во-вторых, проблема была крайне политизирована; в-третьих, из-за особенностей формирования фондов долгое время считалось, что сохранился целостный архив курантов XVII в. [2011. С. 11–12].

Все перечисленное, несомненно, повлияло на ситуацию, но не объясняет, почему при одинаковых условиях, с небольшим временным разрывом появляются две противоречащие друг другу оценки вестников-курантов. Сторонники первой объявляли выписки из иностранной прессы первой российской газетой, а их оппоненты сомневались в этом и говорили о том, что это подборки информации для царского двора. При этом вторая точка зрения существовала параллельно с первой, но всегда оставалась на втором месте. Решение вопроса о типологии вестников-курантов лежит в области

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ НШ-2318.2012.6.

исследования нескольких наук – истории и журналистики.

Первыми интерес к курантам проявили библиографы, что вполне закономерно, так как именно эта отрасль научной деятельности занимается сбором информации о печатной продукции. Изучение многих периодических изданий началось в рамках библиографии, так как именно эта отрасль научной деятельности создает информационную базу, необходимую для работы исследователей печати [Карпова, 2005].

Впервые куранты назвал газетой А. Я. Булгаков в начале 1827 г. в статье «Ответ на библиографический вопрос». Он сообщал, что первая российская газета была рукописной, именовалась «Куранты», существовала с 1621 по 1701 г., выпускалась для царя и его приближенных. Содержание состояло из донесений агентов, находящихся за рубежом, и переводов, выписок из иностранной прессы (Булгаков, 1827). Нужно отметить, что на тот момент еще не сложилось строгих критериев для разграничения периодической печати и других видов печатной продукции. Так, В. С. Сопиков в «Опытах российской библиографии» привел среди прочих изданий названия газет и журналов, выходивших в России до 1812 г., но не указал, что это периодические издания (Сопиков, 1813–1821). Только в трудах В. Г. Анастасевича (1822) и С. Д. Полторацкого (1828) этот пробел отчасти был восполнен. При этом библиографов более волновала проблема полноты списка изданий и датировка выхода, а не типология. Очень часто статьи по библиографии того времени выглядели как сообщения о том, что найден ранее неизвестный номер журнала или газеты, давалось его внешнее описание: количество листов, их размер, скреплены или нет, как напечатан текст, иногда перечислялось, что именно было опубликовано, приводился полный текст.

Такое положение вещей было закономерно, база данных только начинала формироваться. Более того, еще не было основ для ее анализа и классификации. Невозможно было опереться на историческую науку, в частности на источниковедение, так как отечественная история еще сама не сформировалась как отдельная научная отрасль с вспомогательными дисциплинами и собственной методологией. Косвенным свидетельством этого является ее место в универ-

ситетской системе образования того времени: в начале XIX в. не было специализации студентов по истории, только с 1856 г. начинаются попытки ввести ее в рамках историко-филологических факультетов [Чесноков, 2012]. Журналистика формировалась как сфера профессиональной деятельности, о существовании теоретической, научной базы по журналистике в то время говорить не приходится. Долгое время отсутствовала устойчивая терминология в этой области, например, в конце XIX в. прессой называли и периодические издания, и всю печатную продукцию (Скабичевский, 2012).

Но обретение новых знаний о курантах продолжалось, уже в 1855 г. хранитель Отдела рукописей и старопечатных книг Публичной библиотеки А. Ф. Бычков в работе о петровских «Ведомостях» ввел в научный оборот сведения, которые могли заронить сомнения в том, что куранты являлись газетой. Он отметил, что в XVII в. существовали переводы из иностранной прессы, а «куранты» – название газет на голландском, он же ввел в научный оборот договор ван Сведена с приказом Тайных дел об организации почты для доставки иностранной прессы и указ Петра I о публикации курантов (выписок из газет) в «Ведомостях» (Бычков, 1855. С. 6, 8). После этой публикации появилось основание для переоценки курантов.

В дальнейшем в библиографических и исторических работах сосуществовали две точки зрения. Так, А. Н. Неустроев в предисловии к своим «Историческим разысканиям о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг.» называет куранты газетой: «Самое начальное выражение русской журналистики или периодической литературы – это сохранившийся в московской Государственной коллегии иностранных дел архив старинных “Ведомостей”, от 7129 (1621) года. Они заключаются в так называемых столбцах и представляют собой не что иное, как переводы и выписки из современных европейских ведомостей о разных в Европе военных действиях и мирных постановлениях. Такие переводы и выписки из разных иностранных газет назывались курантами и составлялись (только для Царского употребления и для приближенных Министров его величества) в Посольском Приказе (тогдашнее министерство или Коллегия иностранных дел) из донесений агентов, прибывавших из разных стран,

преимущественно из Польши» (Неустроев, 1874. С. XVIII).

Схожесть со столбцами – делопроизводственными документами приказов, отсутствие авторских текстов, строго ограниченный круг читателей с точки зрения теории и истории журналистики, источниковедения не позволяют отнести куранты к газетам, но А. Н. Неустроев не замечает этого. Для такой «невнимательности» были объективные причины, как уже было указано, отсутствовала теоретическая база, к тому же первая печатная газета в России – петровские «Ведомости», как и журналы екатерининской поры, представляли собой отдельные листы (Там же. С. XII; Логинов, 1856). Преобладание переводов в содержании русских периодических изданий было частым явлением до второй половины XIX в. Что касается читательской аудитории, то уже упомянутые журналы порой рассматривались первыми исследователями как издания, созданные при дворе и для удовлетворения амбиций придворных и самой императрицы (Пекарский, 1862). Таким образом, доступность для широкого круга читателей не являлась для библиографов и историков того времени необходимым признаком для периодического издания.

Но продолжали накапливаться аргументы в пользу того, что куранты не были газетой. Академик, литературовед Л. Н. Майков в «Библиографических примечаниях на книгу “Несколько данных для истории русской журналистики”», вышедших в 1876 г., отмечает, что периодическая печать подразумевает публичность, тогда как выписки и переводы иностранной прессы готовились Посольским приказом для узкого круга высокопоставленных лиц. Далее, он приводит примеры «открытых писем» о смерти Алексея Петровича (распространяемых по приказу Петра I для формирования общественного мнения за границей), о Московском бунте во время чумы 1771 г., о наводнении 1777 г. в Петербурге, по его мнению, они ближе к прообразу периодической печати. Он проводит аналогию с историей рукописных газет Европы, например, французских «Nouvelles a la main» – рукописных газет времен Людовика XIV и Людовика XV, начинавшихся с «писем» (Майков, 1875. С. 10–13).

В конце XIX – начале XX в. куранты стали доступней для исследователей. Они были частично опубликованы Ф. И. Буслаевым

(1861), И. Е. Забелиным (1880), М. П. Петровским (1911), без источниковедческих комментариев, не привлекли к себе интереса со стороны других исследователей и не повлияли на ситуацию. В XIX в. взгляд на куранты сложился под влиянием первой версии, согласно которой куранты были газетой, свидетельством этого является энциклопедия Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, в которой куранты называются «зачатками газеты» [1892. С. 62].

Но в то же время в результате многолетней работы с разного рода изданиями у библиографов формируются представления о том, что является периодической печатью, и в работах Н. М. Лисовского (1902) куранты уже не упоминаются. Н. С. Шамин также связывает этот факт со знакомством Н. М. Лисовского с А. А. Шахматовым – членом Археографической комиссии, пытавшейся в 1901–1902 гг. подготовить издание курантов в честь 200-летия «Московских ведомостей». От Шахматова он мог узнать о том, что источниковедческий анализ осуществить не удалось, а у Н. В. Голицына, архивного работника Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД), возникли подозрения, что он работает не с архивом газеты, а с разнородным материалом [Шамин, 2011. С. 15–17].

От идеи опубликовать куранты отказались, но было осуществлено издание петровских «Ведомостей», и в рамках этой работы их не могли игнорировать. А. А. Покровский во вступительной статье рассматривает куранты как рукописную газету для двора, которую во время правления Петра I стали тиражировать в типографии и сделали доступной для широкой аудитории. При этом А. А. Покровский, характеризуя уже сами петровские «Ведомости», приводит информацию, которая если не опровергает его оценку курантов, то наводит на мысль, что все неоднозначно. Директор Петербургской типографии М. Абрамов спрашивал в письме секретаря А. Макарова: «...одне-ль печатать чужестранные ведомости, которые из курантов и присылаются из посольской канцелярии или сообщать со оными и о своих публичных делах и строениях, которых здесь довольно?» (Покровский, 1906. С. 20, 63). Из цитаты видно, что речь не идет о том, как наладить издание уже существующей рукописной газеты, куранты воспринимаются как источник сведений. А. А. По-

кровский объясняет это несоответствие источника его гипотезе тем, что в то время термин *куранты* применялся для обозначения разных явлений (Покровский, 1906. С. 20, 63).

Отнесение курантов к газетам было продиктовано методологическим подходом А. А. Покровского, он рассматривал историю периодической печати России как часть европейской, его статья начинается с описания причин и времени появления газет в Европе. Он признавал, что в российских реалиях была своя специфика: инициатором появления периодики стала власть, а не общество, но развитие от рукописных газет к печатным распространял и на Россию (Там же. С. 3). Опровергнуть это мнение мог бы источниковедческий анализ, но для А. А. Покровского основным предметом исследования были петровские «Ведомости», подготовкой курантов к изданию и источниковедческим анализом занималась Археографическая комиссия, о результатах ее работы сказано выше.

Мнение А. А. Покровского подверглось критике. Продолжалась исследовательская линия, намеченная Л. Н. Майковым. Г. В. Балицкий пытается вычленить основные признаки газеты и соотнести с ними куранты. К признакам газеты он относит следующие: публичность, ориентированность на «безличного читателя» (подписчик, читатель неизвестен лично издателю), свободную продажу, подписку, наличие тиража. Куранты не соответствовали ни одному из них. На этом основании он относит их к документам царского двора и делает вывод, что в отличие от Европы в России рукописные газеты не предшествовали печатным (Балицкий, 1908. С. 1–7). Доводы Г. В. Балицкого не поставили точку в споре, так как в работе не содержалось подробного анализа самих курантов, что делало слабой доказательную базу.

Ответить на эти вопросы попытался А. Н. Шлосберг. Он уже не мог игнорировать характеристики периодической печати при анализе курантов. Так, работая с делами, хранившимися в МГАМИД, он пытается доказать, что информация из них попадала не только в правящие круги, но и «пестрой газетной аудитории», установить, насколько оперативно передавалась информация, и выяснить степень переработки иностранных текстов. Как и А. А. Покровский, А. Н. Шлос-

берг исходил из постулата, что пресса России развивалась аналогично европейской. Из-за этого он конъюнктурно интерпретировал информацию, доказывая, что куранты были газетой. Более ценно для дальнейших исследований было то, что он проводит классификацию документов, хранящихся в делах, воспринимаемых им как архив газеты, и выделяет несколько видов документов (Шлосберг, 1911). Это был первый шаг к источниковедческому анализу курантов. Работа А. Н. Шлосберга была итоговой для дореволюционной историографии вопроса.

Споры вокруг курантов в XIX – начале XX в. были вызваны не только недоступностью их для источниковедческого исследования и политизированностью вопросов, связанных с появлением периодической печати, но и отсутствием четких представлений о том, что может называться газетой, а также логикой развития науки. Перед библиографами стояла задача создания полного перечня отечественных повременных изданий и только после этого построения их типологии. Первым историкам отечественной печати долгое время не удавалось всесторонне доказать свои версии из-за слабого знания источников.

Отсутствие источниковедческого анализа в первых публикациях курантов, провал работы Н. В. Голицына и А. А. Шахматова были обусловлены объективными факторами. Как показали уже упомянутые современные источниковедческие исследования С. М. Шамина и И. Майер, куранты представляют собой достаточно сложный исторический источник для анализа: сохранившиеся экземпляры разрознены, хранятся в различных архивах, перемежаются с другими документами и для полноты анализа требуют иностранных оригиналов. Более того, на первом этапе исследования нужно было отделить куранты от других документов Посольского приказа, с которыми те перемешаны в архивных делах. Осуществить это можно было, опираясь на подробную классификацию исторических источников, но на тот момент она отсутствовала. Также было необходимо достаточно четкое определение газеты как периодического издания, оно могло появиться только после развития теоретических знаний о журналистике. Эти факторы делали источниковедческий анализ курантов невозможным. Как следствие, спор

о том, являются куранты газетой или выписками, затянулся еще на столетие.

Список литературы

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. VIIа.

Вестники-куранты 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Русские тексты / Под ред. А. М. Молдована, И. Майер. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. Ч. 1. 856 с.

Вестники-куранты. 1656, 1660–1662, 1664–1670 гг.: Иностранные оригиналы к русским текстам / Исслед. и подгот. текстов И. Майер. М.: Языки славянских культур, 2008. Ч. 2. 648 с.

Карпова И. Л. Русские газеты XVIII в. в отечественных библиографических пособиях (на примере «Московских ведомостей» 1756–1800 гг.) // Изв. высш. учеб. заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2005. № 4. С. 117–123.

Чесноков В. И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Историческая культура императорской России: формирование представления о прошлом: Коллект. моногр. / Под ред. А. Н. Дмитриева. М.: Высш. шк. экономики, 2012. С. 113–137.

Шамин С. М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати: Моногр. М.: СПб.: Альянс-Архео, 2011.

Список источников

Анастасевич В. Г. Краткое известие о всех с 1707 по 1823 годы выходивших в России повременных изданиях и ведомостях // Новости литературы. 1822. Кн. 2, № 23. С. 153–155, № 25. С. 183–185; Кн. 4, № 18. С. 74–77.

Балицкий Г. В. Зарождение периодической печати в России // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1908. Ч. 17. С. 1–76.

Булгаков А. Я. Ответ на библиографический вопрос // Московский телеграф. 1827. № 13. С. 5–33.

Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. Стб. 1143–1146.

Бычков А. Ф. Предисловие // Первые русские ведомости, печатавшиеся в Москве в 1703 г. СПб.: Публичная библиотека, 1855. С. 1–48.

Забелин И. Е. Куранты или вестовые письма 1655 и 1665 годов // ЧИОДР. 1880. Кн. 2. С. 37–46.

Лисовский Н. М. Периодическая печать в России, 1703–1903: статистико-библиографический обзор русских периодических изданий // Литературный вестник. 1902. Вып. 8. С. 281–306.

Логинов М. Н. Библиографическая редкость. «Мешанина». Журнал 1773 г. // Современник. 1856. Т. 55, № 2, отд. V. С. 143–148.

Майков Л. Н. Несколько данных для истории русской журналистики. Библиографические примечания на книгу: «Историческое изыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных А. Н. Неустроевым». СПб., 1875. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1876. 44 с.

Неустроев А. Н. Историческое изыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных А. Н. Неустроевым. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1874. 959 с.

Пекарский П. П. Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II // Зап. Императорской академии наук. СПб., 1862. № 6. Прилож. к т. 3. 94 с.

Петровский М. П. Из «Курантов» первой половины XVII века // Известия Общества археологии, истории и этнографии при казанском университете. Казань, 1911. Т. 27, вып. 4. С. 288–298.

Покровский А. К истории газеты в России // Ведомости времени Петра Великого. Вып. 2: 1708–1719 гг. М.: Моск. синод. тип., 1906. С. 1–98.

С. П-ий [Полторацкий С. Д.] Дополнения и поправки к истории русских газет и журналов // Московский телеграф. 1828. Ч. 24, № 22. С. 225–235.

Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры: 1700–1863: Моногр. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 504 с.

Сопиков В. С. Опыт российской библиографии, или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на словенском и российском языках от начала заведения ти-

пографий до 1813 года, с предисловием, служащим введением в сию науку, совершенно новую в России, с историей о начале и успехах книгопечатания в Европе вообще так и особенно в России, с примечаниями о древних редких книгах и их изданиях с краткими из оных выписками. СПб.: Тип. Императорских театров, 1813–1821. Ч. 1–5.

Шлосберг А. Н. Начало периодической печати в России // ЖМНП. 1911. № 35. С. 63–135.

Материал поступил в редколлегию 26.05.2013

N. N. Morozova

**THE QUESTION ABOUT THE ORIGIN OF THE RUSSIAN PRESS AND «KURANTY»
IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF THE XIX – BEGINNING OF XX CENTURY**

The article analyzes the discussion in Russian historiography of the XIX – beginning of XX century about «Kuranty»: whether it was a newspaper or some extracts from foreign press. The factors influencing on the assessment of the first researchers are tracked. Based on the analysis of main works published in the specified period, the author concludes that unavailability of the source, the politicization of the issue, and the weak development of the theory of journalism and source studies influenced on the result of scientific researches. This made it impossible to interpret such difficult material as «Kuranty» correctly.

Keywords: «Kuranty», the history of journalism, historiography.